

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПО ДЕЛАМ О ВЗЯТОЧНИЧЕСТВЕ И ОБ ИНЫХ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

П.А. СКОБЛИКОВ

Скобников П.А., доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН.

В статье представлен критический анализ ряда важных и неоднозначных положений Постановления Пленума Верховного Суда РФ "О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях" N 24 от 9 июля 2013 г., которое не корректировалось с декабря 2013 г. Автор выдвигает и обосновывает предложения о внесении изменений в данное Постановление в связи с имеющимися в нем пробелами, неточностями и коллизиями, а также планами Верховного Суда РФ по его усовершенствованию.

Ключевые слова: коррупционные преступления, ст. 200.5 УК РФ, ст. 290 УК РФ, ст. 291.1 УК РФ, криптовалюта, получение взятки, предмет взяточничества, предмет коммерческого подкупа, согласие на посредничество во взяточничестве, общественная опасность деяния, доказательства намерения оказать посредничество во взяточничестве.

On the need to improve judicial practice in cases of bribery and other corruption crimes

P.A. Skoblikov

Skoblikov P.A., LL.D., leading researcher at the Institute of state and law of the Russian Academy of Sciences.

The article presents a critical analysis of a number of important provisions of the resolution of Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation "About court practice on affairs about bribery and other corruption crimes" N 24 dated 9 July 2013 which have not been adjusted since December 2013, the author puts forward and substantiates proposals on amendments to the ordinance in connection with its gaps, inaccuracies and conflicts, and plans of the Supreme Court for its improvement.

Key words: corruption crimes, article 200.5 of the Criminal code, article 290 of the Criminal code, article 291.1 of the Criminal code, cryptocurrency, bribery, the subject of bribery, the subject of commercial bribery, consent to mediation in bribery, public danger of the act, evidence of intent to mediate in bribery.

9 июля 2013 г. Пленумом Верховного Суда Российской Федерации было принято Постановление N 24 "О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях". Этот документ вскоре был несколько скорректирован (по вопросам назначения наказания в виде штрафа и лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью) <1> и после этого остается неизменным без малого шесть лет. В нем были даны разъяснения о применении уголовного законодательства в делах о взяточничестве и других коррупционных преступлениях. Пленум высказался по ряду сложных и насущных

вопросов правоприменения. Вместе с тем далеко не все актуальные вопросы правоприменительной практики нашли там отражение. Некоторые разъяснения неполны и противоречивы, нуждаются в уточнениях и дополнениях. Наконец, за истекшее время УК РФ был дополнен новыми составами коррупционных преступлений, которые не охватываются рассматриваемым Постановлением (далее - Постановление N 24), которое в связи со всем изложенным нуждается в серьезном усовершенствовании.

<1> См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 03.12.2013 N 33 "О внесении изменений в Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 января 2007 года N 2 "О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания" и от 9 июля 2013 года N 24 "О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях".

1. Федеральными законами от 03.07.2016 N 324-ФЗ и от 23.04.2018 N 99-ФЗ уголовное законодательство было дополнено составами ряда преступлений коррупционного характера: ст. 200.5 "Подкуп работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок" УК РФ, ст. 204.1 "Посредничество в коммерческом подкупе" УК РФ, ст. 204.2 "Мелкий коммерческий подкуп" УК РФ, ст. 291.2 "Мелкое взяточничество" УК РФ. Эти новеллы объективно влекут необходимость дополнения Постановления N 24 разъяснениями, кто может быть субъектами перечисленных преступлений, каковы ориентиры для отграничения предусмотренных новыми статьями УК РФ деяний от тех, что и прежде наличествовали в УК РФ (ст. 204 "Коммерческий подкуп", ст. 290 "Получение взятки", ст. 291 "Дача взятки", ст. 291.1 "Посредничество во взяточничестве"), и т.д.

2. В п. 4 Постановления N 24 приводится открытый перечень способов склонения одним должностным лицом другого к совершению действий (бездействию) в пользу взяткодателя или представляемых им лиц: путем уговоров, обещаний, принуждения и др.

Перечисленные способы желательно пояснить. Прежде всего это относится к обещаниям, диапазон которых, если исходить из грамматического толкования, простирается от обещания неких предпочтений и преимуществ до ограничений и взысканий, которые одно должностное лицо может обеспечить другому, используя авторитет и иные возможности занимаемой должности. Однако в чем тогда различие между обещаниями и принуждением? Где между ними проходит граница? При этом уговоры предполагают приведение неких аргументов, указание на благоприятные или неблагоприятные последствия действий (бездействия) уговариваемого для него самого, то есть граница между уговорами и обещаниями также размыта.

3. Криптовалюты, по своей сути являющиеся денежным суррогатом, все чаще используются как в легальных, так и в теневых сделках. Посредством криптовалюты может оплачиваться незаконная покупка оружия, наркотических средств и т.п., она же используется для подкупа должностных лиц. Соответственно, назрела необходимость дать разъяснения судам по вопросу, может ли этот цифровой товар, имеющий нематериальную природу, выступать в качестве предмета взяточничества и коммерческого подкупа?

Разъяснения относительно того, что может быть предметом взяточничества и коммерческого подкупа, в действующей редакции Постановления N 24 изложено в п. 9, но применительно к

криптовалютам Пленум Верховного Суда РФ свою позицию пока не раскрыл. Представляется, что это существенный пробел, который необходимо восполнить.

Следует стремиться к гармонизации уголовного и гражданского судопроизводства, а для этого практика применения уголовного права должна учитывать реалии гражданского оборота и практику гражданского судопроизводства. В частности, надо принять во внимание, что Девятый арбитражный апелляционный суд в деле N А40-124668/2017 о банкротстве 7 мая 2018 г. (заявитель - конкурсный управляющий А. Леонов) принял во многом прецедентное решение - обязал должника дать конкурсному управляющему доступ к содержимому криптокошелька для включения его в конкурсную массу и тем самым признал криптовалюту имуществом.

4. Необходимо разъяснение того, с какого момента следует считать посредничество во взяточничестве законным. Дело в том, что использованная законодателем формулировка объективной стороны преступления, предусмотренного в ст. 291.1 УК РФ, такова, что допускает при буквальном ее толковании две интерпретации, ограничительную и расширительную: 1) посредничество закончено, если действия посредника привели к определенному позитивному результату с позиции участников коррупционной сделки: достижению соглашения между взяткодателем и взяткополучателем по основным параметрам этой сделки; частичной реализации соглашения (передаче оговоренных ценностей или информации, позволяющей получить доступ к ним и т.д.) и др.; 2) посредничество закончено, если посредник совершил любые действия, нацеленные на способствование коррупционной сделке, независимо от эффективности этих действий. Например, стороны (потенциальные взяткодатель и взяткополучатель) при содействии посредника (которого одна из сторон попросила организовать встречу) встретились, но не смогли договориться о совершении коррупционной сделки.

Избрание расширительной интерпретации (вариант "б") и, как следствие, усиление карательной составляющей, на взгляд автора, будет означать нарушение принципов справедливости и гуманизма уголовного права (ст. ст. 6 и 7 УК РФ).

Не менее важно, в соответствии с уголовным законом квалификация действий посредника во взяточничестве обуславливается размером вознаграждения, которое передается (будет передаваться) взяткополучателю. Если размер незначителен (25 тыс. руб. и менее <2>) - ответственность не наступает. Если же размер крупный или особо крупный - ответственность резко ужесточается (применяются ч. 3 или ч. 4 ст. 291.1 УК РФ); соответственно, преступление попадает в категорию особо тяжких <3>.

<2> См. п. 1 примечаний к ст. 290 УК РФ.

<3> Наиболее строго наказание, установленное в санкциях эти частей, - 12 лет лишения свободы.

Однако если договоренность о даче взятки не достигнута, то нет и оснований говорить о размере взятки. При таких условиях квалификация содеянного по ст. 291.1 УК РФ (какая бы часть этой статьи не применялась) будет означать произвольное вменение, нарушение конституционных принципов правовой определенности и справедливости, создавать условия для злоупотреблений и коррупции в уголовном процессе.

5. В абз. 3 п. 26 Постановления N 24 разъясняется, что в случае, когда лицо, обещавшее либо предложившее посредничество во взяточничестве, заведомо не намеревалось передавать ценности в качестве взятки должностному лицу либо посреднику и, получив указанные ценности, обратило их в свою пользу, содеянное следует квалифицировать как мошенничество без совокупности с преступлением, предусмотренным ч. 5 ст. 291.1 УК РФ.

Однако имеющегося разъяснения недостаточно, поскольку оно исходит из крайней ситуации, а на практике нередки случаи, когда лицо, получившее деньги и иные ценности для передачи в качестве взятки, передает взяткополучателю только их часть, а остальное присваивает себе, при этом утаивая факт присвоения от взяткодателя. Целесообразно дать разъяснения, что в таких ситуациях содеянное посредником необходимо квалифицировать как совокупность преступлений - посредничества во взяточничестве и мошенничества.

6. В абз. 1 п. 26 Постановления N 24 разъясняется, что обещание или предложение посредничества во взяточничестве считается оконченным преступлением с момента совершения лицом действий (бездействия), направленных на доведение до сведения взяткодателя и (или) взяткополучателя информации о своем намерении стать посредником во взяточничестве.

6.1. Приведенное толкование уголовного закона исходит из однолинейного представления о человеческих отношениях и не учитывает того обстоятельства, что в ряде случаев лицо, к которому возможный взяткодатель обращается с предложением стать посредником во взяточничестве, дает согласие, не намереваясь свое обещание исполнить.

Например, внезапно попавший в сложную жизненную ситуацию человек, не видящий легальных и действенных путей разрешения острой проблемы (обозначим его литерой В.), обращается к другу, работающему или работавшему в государственном органе (обозначим его литерой П.), с просьбой выступить посредником во взятке кому-то из сослуживцев. П., чтобы успокоить В. и дать ему возможность прийти в себя, а также не допустить обращения В. к кому-то еще и совершить преступления (передать или попытаться передать взятку), дает согласие на посредничество, изначально не намереваясь обещание исполнить. В последующем же общении В. предлагает П. не торопиться с передачей взятки и поискать другие пути решения проблемы - правомерные. И даже подсказывает такие пути.

Другой вариант подобной ситуации - В. и П. не являются друзьями, но хорошо знакомы и встречаются на вечеринке. В. находится в нетрезвом состоянии и обращается к П. с просьбой стать посредником во взятке. Последний, зная особенности поведения В. в состоянии опьянения, полагает, что отказ приведет к скандалу, поэтому дает согласие. При этом П. изначально не намеревается свое обещание исполнить. Он считает, что, протрезвев, В. забудет о своем намерении или по крайней мере больше к этой теме не вернется.

Однако если В. или П. находились под оперативным наблюдением, их разговор, в котором П. дает согласие на посредничество во взяточничестве, может быть задокументирован и, ориентируясь на разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, П. будет немедленно задержан правоохранительными органами, привлечен к уголовной ответственности и осужден.

Чтобы избежать необоснованного осуждения невиновных лиц в подобных ситуациях, необходимо разъяснить судам, что предусмотренный в ч. 5 ст. 291.1 УК РФ состав преступления, с учетом исходных начала уголовного права, закрепленных в Общей части УК РФ, будет

отсутствовать, если обещание посредничества во взяточничестве дано без намерения посредничество оказать. Обязательным признаком любого преступления является общественная опасность деяния (ч. 1 ст. 14 УК РФ). Однако в приведенных выше примерах такой опасности действия лица, давшего согласие на посредничество во взяточничестве, не имеют. Они не только не опасны, но даже не вредны. Более того, в первом случае они общественно полезны, направлены на то, чтобы предупредить возможное преступление.

6.2. Чтобы облегчить разграничение деяний, влекущих и не влекущих уголовную ответственность по ч. 5 ст. 291.1 УК РФ, целесообразно дополнить проект примерным перечнем доказательств того, что лицо, давшее согласие на посредничество во взяточничестве, действительно намеревалось оказать содействие в заключении и (или) в реализации коррупционной сделки. Полагаю, что, помимо прочего, на это указывает следующее: а) условием своего посредничества во взяточничестве лицо оговаривает денежное вознаграждение или какую-либо услугу со стороны участника или участников коррупционной сделки; б) потенциальный посредник во взяточничестве сам предложил свои услуги предполагаемому взяткодателю или взяткополучателю; в) после контакта, в ходе которого было дано согласие на посредничество во взяточничестве, посредник первым вышел на новый контакт с лицом, которому дал согласие, для уточнения параметров коррупционной сделки или плана по ее реализации и т.д.

6.3. Возможно также, что лицо, к которому потенциальный взяткодатель обратился за посредничеством во взятке, в силу неожиданности обращения, эмоциональной окраски ситуации первоначально не нашло в себе сил отказаться и дало согласие на посредничество, намереваясь оказать содействие своему товарищу, родственнику и проч. Однако вскоре после общения с потенциальным взяткодателем оно осознало неприемлемость посредничества и сообщило о своем отказе от договоренности либо стало избегать потенциального взяткодателя и не осуществило никаких действий, которые способствовали бы передаче взятки.

Полагаю, что в такой ситуации действия несостоявшегося посредника в силу их малозначительности не представляют общественной опасности и уголовное преследование должно быть прекращено. Однако такое разъяснение отсутствует в Постановлении N 24.

В связи с изложенным считаю целесообразным дополнить Постановление N 24 и дать судам разъяснение, что если вскоре после дачи согласия на посредничество лицо добровольно отказалось от своего намерения и никаких действий по способствованию взяточничеству не совершило, то с учетом того, при каких обстоятельствах и по каким мотивам было дано согласие, суд может прийти к выводу, что содеянное в силу малозначительности преступлением не является.

Надеюсь, что представленные выше суждения, оценки и выводы окажутся полезными всем тем, кто имеет отношения к законотворческому процессу, поскольку часть рассмотренных в статье проблем может быть разрешена путем совершенствования уголовного и иного законодательства. Ведь основная причина, обуславливающая потребность в разъяснениях законодательных норм, - это нечеткость и многозначность законодательных формулировок, пробелы и противоречия в законодательстве, иные его недостатки.